

УДК 821.161.1-31.07:81'38

**ПОРТРЕТ СТАВРОГИНА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИДИОСТИЛЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ «БЕСЫ»**

Н.О. Булгакова, О.В. Седельникова

Томский политехнический университет

E-mail: nob@tpu.ru

Булгакова Наталья Олеговна, студент Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.

E-mail: nob@tpu.ru

Область научных интересов: сопоставительный анализ русской и английской концептосферы.

Седельникова Ольга Викторовна, д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Область научных интересов: мировоззрение и творчество Ф.М. Достоевского и А.Н. Майкова, эволюция русской культуры середины XIX века, развитие русской художественной критики, русско-европейские литературные связи и проблемы художественного перевода.

Статья посвящена исследованию портретного описания как важной составляющей идиостиля Ф.М. Достоевского. Особенности портретирования рассматриваются на примере описания героя романа «Бесы» Николая Ставрогина. Актуальность исследования обусловлена интересом современного гуманитарного знания к вопросам стиля и текста, значимостью портрета как элемента поэтической структуры произведений Ф.М. Достоевского, существенным отличием портретов в романах писателя от традиции портретных описаний в произведениях других русских романистов середины XIX в., возможностью увидеть сквозь призму портретов героев Достоевского значимые мотивы их поступков и ключевые идеи романов. Результаты исследования позволяют утверждать, что Достоевский создает новый принцип портретного описания героев, основывающийся на выделении отдельных базовых черт персонажа, которые сначала намечаются, а потом получают развитие во всех последующих сценах произведения. Достоевский строит портрет Ставрогина таким образом, чтобы читатель мог постепенно самостоятельно постигать истинную сущность персонажа.

Ключевые слова:

Ф.М. Достоевский, идиостиль, портрет, «Бесы», русский реализм.

Главный герой романа Достоевского «Бесы» Николай Ставрогин принадлежит к числу самых противоречивых и сложных образов мировой литературы и в творчестве своего создателя он занимает особое место. На это указывает история исследовательских интерпретаций образа Ставрогина в отечественном достоевковедении. Неслучайно Л.И. Сараскина, посвятившая «Бесам» масштабное исследование [1], на последнем XV симпозиуме международного общества Достоевского, прошедшем в Москве в июле 2013 г., высказала мысль о необходимости пересмотра сложившейся традиции понимания этого образа в контексте истории российских исследований романа «Бесы», указав на вопросы зарубежных читателей, удивляющихся категоричности отрицательных трактовок этого персонажа.

Идиостиль Ф.М. Достоевского давно является предметом пристального внимания исследователей. Этого вопроса касались в своих трудах классики отечественной науки о Достоевском [2, 3]. В настоящее время пристальное внимание к этому вопросу проявляют не только литературоведы, но и лингвисты [4, 5]. Неугасаемый интерес отечественных и зарубежных филологов к стилю Достоевского объясняется прежде всего своеобразием художественного слова писателя: он использует слово не в качестве средства художественной выразительности, что характерно для многих его современников. М.М. Бахтин подчеркивал, что первостепенным для Достоевского является функциональное значение слова, эстетический потенциал становится приращением к этой смысловой доминанте [6. С. 310].

Особый интерес при изучении авторского стиля Достоевского вызывают портреты героев его произведений, которые значительно отличаются от традиции портретных описаний в произведениях русских романистов середины XIX в. По мнению Г.С. Сырица, в текстах Достоевского портреты являются «носителями концептуально значимой информации» [7. С. 3]. Портретные описания героев, встречающиеся относительно редко на протяжении романа, являются способом воплощения многих принципиально значимых мотивов и авторских идей: «Всё, что казалось случайным в портретах Достоевского, оказывается в высшей степени закономерным» [7. С. 24]. «Достоевский создал замечательные психологические портреты, но он не хотел, чтобы мы воспринимали их с точки зрения психологии» (перевод Н.Б.) [8. С. 12]. Лексические средства, используемые для создания портретных описаний, представляют собой своеобразные ключевые опоры, на которых строятся широкие ассоциативные ряды. Каждая деталь в портретах Достоевского апеллирует к самым сокровенным тайнам души героев. Следовательно, ответы на главные вопросы, скрытые в портретном описании, призваны помочь читателю осознать мотивы поступков героев.

Одним из героев, чей образ воплощает в себе всё многообразие палитры Достоевского-портретиста, является Николай Ставрогин – герой романа «Бесы» (1872 г.). «Бесы» – один из самых сложных в идейном и философском смысле романов писателя, в котором автор затрагивает вопросы о комплексе причин морально-нравственного разрушения потенциально великой личности, способной на значительные поступки [9].

По мнению окружающих его людей, Николай Ставрогин повинен в несчастьях и бедах, происходящих в городе. Герой, проникая в общество, сеет в нём «бесовство», несёт за собой зло, вводит людей в заблуждение, что в конечном итоге приводит их к моральному разрушению и гибели. В то же время сущность персонажа не подлежит однозначной оценке. Черты, проявляющиеся в портретном описании героя, указывают на всю сложность его натуры.

Портрет Ставрогина представляет собой значимый элемент поэтической структуры романа «Бесы». Способ описания облика и поведения героя отражает не только его сущность, но и уточняет проблематику романа. Важно отметить, что собственно описанию внешности главного Достоевский не уделяет значительного внимания, включая его в освещение происходящих событий, что придаёт имеющимся портретам особую значимость. Уже первый портрет главного героя, появляющийся во второй главе первой части «Принц Гарри. Сватовство» выявляет принципиальную двойственность образа Князя. Это портретное описание, более пространное, в отличие от последующих, раскрывает не только впечатления повествователя, но и общее настроение окружения героя, сформировавшееся после появления Ставрогина в городе.

Для всех романов Достоевского свойственно включение в описание героев противоположных точек зрения, которые призваны отобразить таинственную природу человека и неисчерпаемость его потенциала. Ключевой особенностью поэтики Достоевского в целом является незавершенность образов героев его произведений, их амбивалентность и неоднозначность [6]. В романе «Бесы» этот принцип определяет не только весь облик Ставрогина, но и поэтику и стилистику отдельных изображений персонажа: «Я ждал встретить какого-нибудь *грязного оборванца, испитого от разврата и отдающего водкой. Напротив, это был самый изящный джентльмен* из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть. Одних особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь *роковая тайна*; другим положительно нравилось, что он убийца. Все наши дамы были без ума от нового гостя. Они резко разделились на две стороны, – в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения» [10. С. 37].

Повествователь приступает к описанию Ставрогина, начиная с передачи общего впечатления, не прибегая к подробному описанию деталей и не анализируя черты внешности героя. Первый портрет Князя выявляет принципиальную неоднозначность этого образа. Повествователь передаёт противопоставленность мнений представителей провинциального общества благодаря созданию оппозиций на лексическом уровне языка. Лепка образа Ставрогина начинается с предположений повествователя о тёмных сторонах сущности персонажа. Для их лаконичной передачи Достоевский использует в первом предложении целую группу слов, «заряженных» в русской языковой традиции негативной нравственной коннотацией, свидетельствующей о степени разложения человека: «грязного оборванца», «разврата», «отдающего водкой», «убийцы». Такое мнение сложилось у повествователя на основе писем, полученных мате-

рю Ставрогина Варварой Петровной от её петербургских знакомых, сообщавших о разгульном образе жизни и разнузданном поведении её сына в столице. Тем не менее повествователь в категорической манере противопоставляет действительный облик героя своим ожиданиям. Ожидая увидеть опустившегося развратного оборванца, горожане неожиданно знакомятся с совершенно другим человеком. Неожиданность этого впечатления подчеркивается структурой предложения, в котором описывается герой: оно начинается противительным союзом «напротив», подчеркивающим противоположность внешнего облика Ставрогина распространившимся ранее слухам. Противопоставление еще более усиливается вводимыми далее характеристиками, традиционно используемыми для создания положительного образа представителей светского общества: «самый изящный джентльмен», «роковая тайна». Эти определения указывают на наличие загадки и романтического ореола в образе Ставрогина, который притягивает дам. Таким образом, автор при помощи тонкой работы со словом изначально актуализирует в стиле романа двойственность образа Князя.

Повествователя, описывающего черты внешности героя, настораживает совершенство облика Ставрогина: «Волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист» [10. С. 37]. За счёт параллелизма конструкций, содержащих повторы сочетания неопределенного местоимения *что-то* и частицы *уж*, писатель акцентирует внимание читателя на том, что Ставрогин обладает неестественно яркими для совершенного образа чертами. Благодаря особым синтаксическим конструкциям автору удаётся усилить противоречивость образа героя.

По мнению исследователей, важной особенностью стиля Достоевского при создании портретов является использование описательных синтаксических конструкций с именными или глагольными (с формами имперфекта) предикатами типа «Это был человек... лет.., роста..., с проседью...» [5. С. 158]: «это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти», «это был самый изящный джентльмен из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть, чрезвычайно хорошо одетый», «он был не очень разговорчив, изящен без изысканности, удивительно скромен и в то же время смел и самоуверен как у нас никто», «росту он был почти высокого» [10. С. 37]. Подобные конструкции, по мнению лингвистов, отражают важную особенность стиля Достоевского, определяющую принципы портретирования в его произведениях: стремление к достаточно беглому описанию, краткости зарисовок, отображению лишь строго необходимого, по мнению писателя, фиксации моментального впечатления, что позволяет автору воспроизвести сущность героя без глубокой эмоциональной оценки, в как можно более нейтральной манере [5. С. 158]. Писатель, как и в других своих романах, создаёт облик героя, не прибегая к подробным деталям и не создавая тем самым полноценного, тщательно проработанного портретного описания, что свойственно портретам в других произведениях русской классической литературы.

Особая «сухость повествования», созданная с помощью этих конструкций, отражает одну из важнейших особенностей героя – его неспособность к нравственному возрождению по причине отсутствия веры, что ведет к его духовной гибели, которая описывается в последующих сценах романа.

Портрет Ставрогина не ограничен описанием его внешнего облика. Повествователь уделяет большое значение знаниям и образованности героя: «Оказалось тоже, что он *был весьма порядочно образован; даже с некоторыми познаниями*. Познаний конечно не много требовалось, чтобы нас удивить; но он мог судить и о насущных, весьма интересных темах и, что всего драгоценнее, *с замечательною рассудительностию*. Упомяну как странность: все у нас, чуть не с первого дня, нашли его чрезвычайно рассудительным человеком» [10. С. 37].

Структура фразы и подбор слов, как и ранее, свидетельствуют о двойственности героя, проявляющейся в ментальной сфере, что подтверждается неполнотой характеристик в описании героя (не «порядочно образован», а «весьма порядочно образован», «даже с некоторыми познаниями» вместо «с познаниями»). Ставрогин способен привлекать людей, не обладая, казалось бы, исключительными способностями («все нашли его чрезвычайно рассудительным человеком»). Тем не менее, автором выделяется неестественность данного процесса («Упомяну как странность...»). Таким образом, уже при первом знакомстве с героем на лексическом уров-

не языка описания проявляется внутренняя амбивалентность Ставрогина, не только нравственная, но и умственная: он способен одновременно внушать своим ученикам Шатову и Кирилову почти противоположные идеи. В то же время неполнота характеристик свидетельствует о потенциале, которым некогда обладал герой (образованность, рассудительность), но который не сумел реализовать.

Важно, что уже в первом портрете Ставрогина автор даёт указание на ключевые характеристики образа героя, которые он будет последовательно разрабатывать и усиливать в развитии сюжета.

Сравнивая лицо Ставрогина с маской, автор намекает, что за внешней оболочкой скрывается истинная сущность персонажа («лицо его напоминает маску» [10. С. 37]). События, разворачивающиеся в дальнейшем, позволяющие раскрыть трагедию героя, дают основания сравнивать эту маску с посмертной. Британский критик Джон Миддлтон Марри отмечает особенности героя, выраженные в его портрете: «Холодный ужас, отражающийся в этом портрете, невероятен. Ставрогин – не человек, а всего лишь его присутствующая оболочка» (Перевод Н.Б.) [11. С. 161].

Состояние нравственной смерти находит свое отражение в романе не только через портретные характеристики, но также это ярко отображается в авторском слове, комментирующем поведение героя и дополняющем в силу этого портретные описания: «продолжал с прежним равнодушием, даже вяло Ставрогин», «Холодно заметил Ставрогин», «Необыкновенно серьезно и сдержанно заметил Ставрогин», «Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина», «Почти с болью проговорил Ставрогин», «Тихо проговорил Ставрогин», «Ставрогин сдержал себя», «Ставрогин имел очень озабоченный вид, почти был поражен» [10].

Чтобы подчеркнуть неспособность героя на глубокие эмоции, которые свойственны живому человеку, автор использует внутреннюю антитезу, приводя прилагательные, характеризующие сильные эмоции («поражен», «с болью»), в сочетании с наречием, выражающим незначительную, малую степень проявления признака («почти поражен», «почти с болью»). Благодаря лаконизму таких авторских ремарок можно увидеть, что Ставрогин не способен на полноценное выражение эмоций.

Таким образом, уже в первом портрете автор представляет читателю возможность уловить основные смысловые доминанты, раскрывающиеся в полной мере в ходе развития сюжета. Писатель не создает однозначно негативный образ героя, являющегося воплощением бесовства и абсолютного зла, каким видят его некоторые персонажи (Марья Тимофеевна). Авторская недосказанность заставляет читателя размышлять о причинах такого состояния героя, а его противоречивое изображение наталкивает на мысль о наличии скрытой трагедии, лежащей в основе такого положения вещей.

Особенности сущности Ставрогина, проявляющиеся в портрете героя, находят более полное выражение в его диалогах с другими персонажами. Диалог Ставрогина с воспитанницей его матери Дашей позволяет выявить чувства, эмоции и переживания героя, которые свойственны его человеческой натуре. Герой полон отчаяния, осознавая свою никчёмность и испытывая презрение к самому себе: «...я так подл и гадок, Даша, что, кажется, вас в самом деле, кликну «в последний конец», как вы говорите, а вы, несмотря на ваш разум, придёте. Зачем вы сами себя губите?» [10. С. 229]. Несмотря на жестокость Ставрогина по отношению к Даше, в диалоге проявляется способность героя испытывать жалость, проявлять, хоть и в малой степени, человеческие эмоции: «Я тоже желал бы вас не губить» [10. С. 230]. «Ну, простите мне мою злую шутку» [10. С. 231].

Особенно важной для понимания сущности Ставрогина является словесно закрепляемая героем антитеза «демон – бес», появляющаяся в ответ на слова Даши. Она служит раскрытию сути трагедии героя: «О, какой мой демон! Это просто маленький, гаденький, золотушный бесёнок с насморком...» [9. С. 231]. Е.М. Мелетинский указал, что демонизм Ставрогина не стоит преувеличивать, т. к. сам герой «ощущает одновременно, особенно к концу повествования, не столько свою демоническую силу, сколько свою слабость» [12]. В процитированной фразе Ставрогин снимает с себя романтический ореол демона, признавая свою ничтожность. Герой раскрывает в себе сущность неспособного на великие поступки «бесёнка», обреченного на гибель.

Диалоги между героями представляют собой развитие экспозиции, полноценное восприятие которой невозможно без глубокого анализа авторских посылов, представленных в первом портрете.

Таким образом, Достоевский создает новый принцип портретного описания героев, основывающийся не на последовательном воспроизведении всех его внешних и внутренних характеристик, но на выделении отдельных базовых черт персонажа, которые намечаются достаточно лаконично, но четко, а потом получают развитие во всех последующих сценах произведения. Важную роль в этой системе портретирования приобретает именно тонкая, детальная работа со словом: не прибегая к развернутым конструкциям, частому употреблению тропов, фигур и риторических объяснений, четко подбирая слова, Достоевский строит портрет Ставрогина таким образом, чтобы читатель мог постепенно самостоятельно постигать истинную сущность персонажа. Создавая противоречивый образ героя, писатель лишь намекает на наличие глубоких и драматических причин, объясняющих его натуру. Портрет Ставрогина, представленный в начале романа, становится первой ступенью на пути познания читателем сущности героя. Он ставит основные вопросы, на которые читатель должен найти ответ, подойдя к полному пониманию характера Князя, который последовательно раскрывается автором в последующих частях. Кульминацией проработки этой проблемы становится диалог Даши и Ставрогина, в котором открывается главная трагедия героя. Достоевский сумел выстроить смысловые уровни романа особым образом, который позволяет усилить эмоциональное воздействие на читателя, используя при этом ограниченное количество средств художественной выразительности. Это делает стиль писателя сложным, многогранным и уникальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сараскина Л.И. Федор Достоевский. Одоление демонов. – М.: Согласие, 1996. – 463 с.
2. Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. – М.: Наука, 1967. – 303 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
4. Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М., 1996. – С.237-249
5. Иванчикова Е.А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского. 2000: сб. статей Рос. Ак. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001. – С.272–314.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 361 с.
7. Сырица Г.С. Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
8. J. Bernard. Dostoevsky's Greatest Characters. – Paris, 2008. – P. 256.
9. Буданова Н.Ф. Творчество и спасение (Ставрогин в интерпретации Николая Бердяева) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. – СПб.: Наука, 1994. – С. 145–155.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – Т. 10. – 515 с.
11. Murry J.M. Fyodor Dostoevsky: A Critical Study. – London, 1923. – P. 263.
12. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet12/04.php (дата обращения: 21.04.2013).

Поступила 22.01.2015 г.